

УДК 316.33: 001/13

Н.А. Иванова

**ПОНЯТИЯ «ГАБИТУС» И «ХАБИТУАЛИЗАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ**

Рассматриваются социологические контексты использования понятий «габитус» и «хабитуализация», а также содержательно близких им терминов. Делается вывод о том, что данные понятия позволяют снять традиционную дистанцию «внешнего» и «внутреннего», «субъективного» и «объективного», «социального» и «когнитивного». Изменение фокуса внимания, новые теоретические и методологические подходы к исследованию повседневности делают понятия «габитус» и «хабитуализация» эвристически ценными и при анализе научных практик.

Ключевые слова: *габитус, хабитуализация, фигурация, рутинизация.*

Как отмечает президент Международной социологической ассоциации П. Штомпка, в настоящее время можно говорить о парадигмальном сдвиге в социологии. Новый поворот приводит к тому, что в центре внимания исследователей оказываются не системы и действия, а феномены, которые ранее считались «ненаучными», а именно мир повседневного опыта. Настоящий парадигмальный сдвиг, как полагает польский социолог, не является преходящим увлечением, а свидетельствует о рождении «социологии социальной экзистенции», где в качестве основного объекта исследования берется социальное событие – «человеческое действие в коллективных контекстах, ограниченное, с одной стороны, агентным (активными) потенциалом участников, с другой, структурной и культурной окружающей средой действия» [1. С. 3]. Тем самым происходит отказ от веры как в абсолютную автономию субъекта, так и всеисилие внешних сил. К истокам данного поворота Штомпка относит феноменологический подход, работы А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодологию Г. Гарфункеля и драматургическую теорию И. Гофмана, а также общую постмодернистскую критику прежней социологии. Следует отметить, что обращение к анализу повседневной реальности не делает сам концепт «повседневная жизнь» самоочевидным. Можно предположить, что он включает в себя понимание того, что отдельные случаи, повторяясь, приобретают циклический, привычный характер, становятся рутинными и наделяются символическим значением.

В то время как традиционная социология науки была сосредоточена в основном на макропроцессах, современные исследователи исходят из того, что макроанализ науки недостаточен для понимания ее сущности, так как при подобном рассмотрении сам продукт научной деятельности – знание – остается без должного анализа. Использование микросоциологических методов позволяет показать, что научное знание конструируется из содержания деятельности и общения ученых, в частности из повседневных лабораторных практик. Один из наиболее известных современных французских социологов Бруно Латур, критикуя эпистемологический подход, занимающийся ментальными структурами и игнорирующий практику лаборатории, полагает, что специфику науки не могут также объяснить подходы, направленные на выяв-

ление особых типов отношений, характерных для науки [2]. Он отмечает, что в социологических исследованиях науки существует разделение труда между теми, кто изучает науку как организацию и институт, и теми, кто рассматривает ее на микроуровне. В последнем случае считается, что почти невозможно уловить какое-либо единство за многообразием «микроскопических» проблем, что в целом и обуславливает необходимость разделения микро- и макроуровня исследования науки. Данная альтернатива воспроизводит в современных условиях спор между «экстерналистским» и «интерналистским» подходами в изучении науки. Латур критикует социологию науки за то, что она принимает различие в уровнях и масштабе между «социальным контекстом», с одной стороны, и микроуровнем лаборатории – с другой, а также игнорирование содержания того, что происходит в лаборатории. Французский социолог полагает, что микросоциологические исследования лаборатории позволяют лучше понять ежедневную научную практику, если только они выходят за пределы «интерналистского» видения науки и позволяют сфокусироваться на ее положении в обществе. Исследования лабораторий, на его взгляд, призваны нарушить («дестабилизировать и упразднить») традиционную оппозицию внешнего и внутреннего. Изучение повседневной работы ученых, как правило, представляющее собой ситуационные наблюдения научных практик, направлено на исследование процесса «упорядочивания учеными хаотической реальности» и позволяет понять, что логический характер научной деятельности есть лишь часть значительно более сложного феномена, который включает неявные, фоновые практики.

Представляется, что эвристической ценностью для анализа научной деятельности в новой ситуации могут обладать понятия «габитус» и «хабитуализация», которые в целом указывают на то обстоятельство, что в процессе социализации человек приобретает определенные ментальные, телесные и поведенческие навыки, которые, не являясь биологическими по своей природе, превращаются в неотделимую от его телесности «натуру». В социологии понятия габитуса, хабитуализации используются в работах М. Мосса, П. Бергера и Т. Лукмана, а также П. Бурдьё. Близкими по содержанию терминам «хабитуализация» и «габитус» нам представляется одно из ключевых понятий теории структуризации Э. Гиденса – «рутинизация» и понятие «фигурации» в главном труде Н. Элиасса «О процессе цивилизации...». Помещаясь в разные исследовательские контексты, данные понятия позволяют связать природное и социальное, индивидуальное и социальное, субъективное и объективное, преодолевая тем самым традиционные альтернативы.

Социологический энциклопедический англо-русский словарь определяет хабитуализацию (от лат. *habitus* – внешний облик организма) как превращение в привычку в результате многократного повторения [3]. Свободная энциклопедия определяет термин «хабитуализация» в контексте основных характеристик социальной группы как освоение индивидом данной социальной позиции и формирование у него установок и стереотипов, присущих данной группе, наряду с процессами интеракции, стигматизации и идентификации.

Французский социолог и этнограф М. Мосс полагал, что прогресс естественных наук осуществляется на пути движения от конкретного и неизведанного к абстрактному. При этом области неизведанного часто лежат на грани-

це различных наук. Возглавив французскую социологическую школу после смерти ее основателя Э. Дюркгейма, который поставил задачу обосновать специфику социологии как особой науки и с этой целью осуществил критику биологического и психологического редукционизма, М. Мосс, в отличие от Дюркгейма, стремился интегрировать социологию с другими науками о человеке. Если для основателя социологии человек есть *homo duplex*, т.е. двойственная реальность, в которой, сосуществуя, борются два начала: индивидуальное биопсихологическое и социальное, то М. Мосс отстаивает идею «триединства» человеческой природы, где биологическое, психическое и социальное образуют неразрывное единство. Это означает, что при исследовании человека необходимо соблюдать принцип «тройственного союза» биологии, психологии и социологии. Необходима, полагает французский исследователь, «тройственная точка зрения, точка зрения «целостного человека», где механико-физический, анатомо-физиологический, психологический и социологический аспекты образуют внутреннее единство [4. С. 102]. Мосс предложил понятие «техники тела» для характеристики техники, которая передается от человека к человеку, от поколения к поколению как некий инструментальный навык. Термин «техники тела» означает, что физические действия, которые представляются нам «естественными» и инвариантными для всего человечества, на самом деле осуществляются в различных культурах по-разному. Являясь исторически изменчивыми, они формируются благодаря традиционным культурным образцам. Так, например, различными являются техники плавания, копания, ходьбы, кормления грудью, положения во время сна и т.п. При этом под техникой Мосс понимал традиционный действенный акт и полагал, что человек, прежде всего, отличается от животных передачей своих техник, в особенности посредством слов. Мосс утверждает, что всякая техника имеет свой образец, или *habitus*. Рассуждая о социальной природе «*habitus*» и используя данное понятие в его латинском значении, Мосс пишет: «Слово это несравненно лучше, чем «привычка» («*habitude*»), выражает «*exis*», «навык» и «способность» к чему-либо в истолковании Аристотеля (который был психологом). Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную «память», о которых говорится в солидных томах или небольших и знаменитых диссертациях. Эти «привычки» варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий. Но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способность к повторению» [5. С. 67]. Следовательно, большую роль при формировании элементов использования человеческого тела играет не столько подражание, сколько факт воспитания, в процессе которого «происходит престижное подражание» – подражание актам, которые оказались успешными или восприимчивыми удавшимися у людей, внушающих доверие и обладающих авторитетом. Принципы классификации техник тела, полагал Мосс, могут быть различными. Одна из классификаций, предложенная французским исследователем, основана на разделении техники между полами, изменчивости техник тела в соответствии с возрастом, производительностью, с передачей форм техники. Другая классификация более доступна для наблюдения и носит био-

графический характер, а именно: техники родов и акушерства, техники воздействия, техники юности и взрослого возраста, техники ухода за телом, техники насыщения и др. Во всех этих случаях речь идет о социопсихофизиологическом конструировании *habitus* под влиянием социального авторитета.

Одним из основных вопросов социальных исследований Норберта Элиаса является вопрос о том, «как и почему люди объединяются, образуя собой динамические конфигурации?». Являясь наиболее крупным представителем исторической социологии, Норберт Элиас разделяет с ее сторонниками ряд взаимосвязанных онтологических положений, получавших название «исторический коэффициент социальной действительности». А именно, признание того, что общество не столько существует, сколько формируется, общественная жизнь представляет собой непрерывный динамический процесс, а не постоянное и неизменное состояние, оно состоит не из объектов, а из событий. Имманентным фактором общественной жизни является время, которое предстает его внутренним неизбежным измерением. Все, что происходит, зависит от момента времени, имеет те или иные причины и последствия. При этом в различных фазах процесса действуют различные механизмы. Социальные изменения рассматриваются как кумулятивный результат «равнодействующих» многих процессов, взаимодополняющих, поддерживающих и находящихся в конфликте друг с другом. Не являясь застывшей системой, общество предстает как сеть социальных отношений, в которых проявляются противоречия и взаимодействия. Последовательность событий в рамках отдельного процесса имеет кумулятивный характер. Каждая фаза процесса предстает как аккумулированный результат предшествующих фаз и одновременно основа продолжения процесса в будущем. Основным фактором общественного развития являются субъекты, индивидуальные или групповые, действия, активность которых формирует данное состояние общества. Последнее, в свою очередь, открывает поле возможностей и шансов для действия отдельных людей и коллективов, в итоге которых формируются новые общественные состояния. И наконец, люди создают свое общество и историю, но не произвольно, а в данных структурных условиях, унаследованных от прошлого, которые они модифицируют и в новом виде передают следующим поколениям. Следовательно, с одной стороны, действия людей частично детерминированы прежними структурами, с другой – будущие структуры частично обусловлены нынешними действиями субъектов [6. С. 547]. Таким образом, Элиас утверждает, что общество, с одной стороны, не является простой совокупностью индивидов, рационально преследующих свои частные цели, с другой – оно не представляет собой систему, независимую от индивида. Данные положения есть результат критики концепции Т. Парсонса, где общество и индивид предстают как автономные, лишь на определенных стадиях развития проникающие друг в друга. Ключевым в теории Элиаса является понятие «фигурации» – определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей» [7. С. 43]. Фигурации, как взаимодействия между индивидами и группой, включают в себя процессы кооперации, дифференциации функций, а также конкуренцию за монополизацию «жизненных шансов». Социальные структуры он трактует как образы, развивающиеся во времени континууме, создаваемые и пересоздаваемые в непрерывно проте-

кающих действиях и взаимодействиях, подобно фигурам танца, которые существуют лишь в тот момент, когда танцоры танцуют. Социальный мир представляет собой сцену, на которой действуют, вступают во взаимодействия отдельные индивиды и социальные группы, а формы социальных отношений определяются постоянными действиями, акциями, реакциями, продуцируются и репродуцируются деятельностью. Существующие структуры создают те рамки, в которых разворачивается деятельность людей, оказывают существенное влияние на ход действий и формируют фактор «сопричинности» – совместной детерминации действия. Такая структурная детерминация имеет двоякий характер: с одной стороны, негативно-ограничительный, так как создает определенный барьер, за который действия не могут выйти, ограничивая тем самым репертуар возможных действий; с другой – позитивно-высвобождающий, так как стимулирует и содействует действиям определенного вида. На конкретных исторических примерах, исследованиях дворянства, королевской власти и придворного общества Элиас показывает, как меняется психологический и социальный *habitus* во взаимосвязи с изменениями в строении общества. Предложенные Элиасом понятия фигурации и габитуса «увеличивают шансы избежать ситуации «или – или», которая столь часто дает о себе знать в социологических объяснениях отношений индивида и общества» [8]. Представляя собой концептуальные инструменты, данные понятия призваны подчеркнуть тот факт, что всякий отдельный человек несет в себе специфический отпечаток (социальный габитус), общий для тех членов общества, к которому он принадлежит, и одновременно выступающий основанием, на котором вырастают специфические признаки, отличающие отдельного человека от других членов сообщества. Интегральную составляющую социального габитуса образует идентичность, которую Элиас представил как отношение «Я – Мы». Будучи не заданным раз и навсегда, оно подвержено изменениям и превращениям. В целом, понятия фигурации и габитуса применимы к микро- и макроуровню, данные концепты могут быть применены и к сообществам, и к малым социальным группам, а также к любому социальному феномену, расположенному между этими двумя полюсами. Предпринятые Элиасом «социогенетические и психогенетические исследования имеют своей целью обнаружение порядка, принципов и конкретных механизмов исторических изменений» [8. С. 53].

Известно, что термин «социология знания» был введен Максом Шелером [9]. Первоначально интерес к данной проблематике, скорее, носил эпизодический и негативный характер, так как выступал в качестве инструмента для создания философской антропологии и призван был способствовать устранению проблемы релятивизма. Проблематика, затронутая Шелером, вызвала дискуссии и способствовала ее переводу в более широкий и серьезный аспект, предложенный Карлом Мангеймом. Согласно Мангейму, общество детерминирует не только возникновение, но и содержание знания [10. С. 3]. Мангейм признает, что знание всегда связано с определенной позицией и ни одно человеческое мышление не свободно от идеологизирующего влияния социального контекста. Отсюда главный интерес Мангейма к феномену идеологии. Утверждая универсальную социальную детерминацию знания, Мангейм считал, что разные социальные группы различаются по способности

преодолевать узость собственной идеологии путем систематического анализа. Промежуточным слоем, относительно свободным от групповых интересов, он полагал интеллигенцию. Последующее развитие данной проблематики в основном носило характер критик и модификации этих двух концепций – «умеренной М. Шелера» и «радикальной К. Мангейма».

Указывая на то, что предметом социологии знания является взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого он возникает, Бергер и Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» ставят задачу показать, что теоретическая значимость социологии знания не была до конца осознана. Исключая из социологии знания эпистемологические и методологические проблемы, которые волновали ее основоположников в лице М. Шелера и К. Мангейма, они считают, что социология знания должна иметь дело с социальным конструированием реальности. Эта задача была обусловлена их пониманием «знания» и «реальности». «Реальность» они определяют «как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания», а «знание как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками». Таким образом, вопрос об онтологическом и эпистемологическом статусе данных понятий остается в компетенции философии. Социологический же интерес к проблемам «реальности» и «знания» обусловлен в первую очередь фактом их социальной относительности. Так как любое человеческое знание возникает, развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, то задача социологии знания – понять процессы, посредством которых это происходит, и в результате чего «знание» становится «реальностью». «Иначе говоря, – пишут Бергер и Лукман, – социология знания имеет дело с анализом социального конструирования. Признание двойственного характера общества, которое, с одной стороны, выступает как объективная фактичность, с другой – представляет собой совокупность субъективных значений, делает необходимым постановку основного вопроса: “каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?”» [11. С. 36]. В качестве ответа они выдвигают тезис: «Всякая человеческая деятельность подвергается хабиутализации (т.е. опривычиванию)» [12. С. 89]. Любое часто повторяющееся действие становится образом, которое может быть осознано исполнителем как образец и воспроизведено с экономией усилий. Действие, ставшее привычным, сохраняя свой многозначительный характер, впоследствии уменьшает число различных выборов и освобождает индивида от «бремени» всех решений, с одной стороны, что, в свою очередь, освобождает энергию, предоставляя возможность для рассуждений и инноваций – с другой. Наиболее важная часть хабиутализации человеческой деятельности сопряжена на практике с процессом институционализации. Последняя имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий разного рода субъектами. Другими словами, любая подобная типизация представляет собой институт. При этом типизации опривыченных действий, составляющих институт, всегда разделяются, т.е. они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы. Сам институт типизирует как индивидуальные действия, так и индивидуальных деятелей. Для взаимной типизации необходима продолжающаяся социальная ситуация. Отвечая

на вопрос о том, какие действия будут приводить к этому, Бергер и Лукман полагают, что те, которые являются релевантными для участников общей ситуации. При этом они будут различны в разных сферах, а появление новых участников будет менять характер социального взаимодействия. Если при зарождении института он поддерживается лишь при взаимодействии, его объективность является незначительной, а рутинный задний план доступен обдуманному вмешательству, то с появлением других участников институт становится историческим феноменом. Он воспринимается теперь как реальность, объективность которой увеличивается. Последующим поколениям знание истории института передается через «вторые руки», и поэтому теперь необходимо истолковать им этот смысл в различных формулах легитимации. Таким образом, институциональному миру требуется легитимация, т.е. способы его «объяснения» и оправдания». Институты должны утверждать свою власть над индивидом независимо от тех субъективных значений, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Отклонение от институционально «запрограммированного» образа действия оказывается вероятным, как только институты становятся реальностями, оторванными от первоначальных конкретных социальных процессов, в контексте которых они возникают. Так как институты имеют тенденцию «быть неразрывными», т.е. интегрированными, то возникает вопрос о том, как это возможно? Если интеграцию институционального порядка понимать в терминах «знания», имеющегося у его членов, это означает, что анализ этого «знания» является существенным для анализа рассматриваемого институционального порядка. Знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка, — это знание дотеоретическое, представляющее собой «то, что каждый знает» о социальном мире — это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний. Такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения. Оно определяет и конструирует роли, которые следует играть в контексте рассматриваемых институтов. Как результат такое поведение становится контролируемым и предсказуемым. Являясь сердцевинной фундаментальной диалектики общества, знание программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается объективный мир. Оно объективирует этот мир с помощью языка и основанного на нем когнитивного аппарата, т.е. оно упорядочивает мир в объекты, которые должны восприниматься в качестве реальности. А затем оно опять интернализируется как объективно существующая истина в ходе социализации. Знание об обществе, таким образом, является реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности.

Энтони Гидденс часто определяет свою теорию структуриации как средство преодоления двух концептуальных дуализмов: между сознательным субъектом и социальными коллективами (дуализм субъект/объект), а также между участием (т.е. праксисом) и коллективными формами социальной жизни (дуализм участие/структура). Как верно отмечает А. Коэн, теория структуриации начинается с предположения, что все, что происходит или существует в социальной жизни, создается через поведенческий процесс [12]. Гидденс рассматривает практики как нечто большее, нежели локальное ситуативное по-

ведение, даже будучи ситуативно локализованными, все практики вносят вклад в производство и воспроизводство системных связей и структурных паттернов. Гидденс утверждает, что нерелексивно осуществляемые практики (которые он называет рутинной) играют решающую роль, так как воспроизводят привычные формы социальной жизни. Среди основных понятий теории структуризации рутинизация определяется как «привычный, воспринимаемый как данное характер большинства повседневных социальных действий; преобладание привычных стилей и форм поведения, управляющее ощущением онтологической безопасности, равно как и управляемое им» [14, С. 501]. Рассмотрение структуры практики, по Гидденсу, предполагает аналитическую деконструкцию четырех элементов: 1) процедурные правила 2) моральные правила; 3) материальные ресурсы; 4) ресурсы власти. В то время как сами акторы редко различают структурные элементы практики, нормальное течение практики рушится, когда структурные элементы проблематизируются: например, подвергается сомнению познавательная ценность знания, нарушается моральный этикет передачи знаний или актор не обладает нужными для обмена умениями. Однако нельзя просто констатировать факт существования структурированных практик, не рассматривая то, каким образом они воспроизводятся, и не учитывая возможность их изменения. Гидденсовское понятие дуальности структуры заостряет теоретическое внимание на внутренней неотъемлемой связи структуры и праксиса. Дуальность структуры означает, что, для того чтобы воспроизводить структурированную практику, агенты должны использовать имеющиеся знания и ресурсы. Гидденс разрабатывает теорию действующего субъекта, с помощью которой возможно постижение социальных перемен и ответ на вопрос: почему акторы упорно воспроизводят рутинные практики и почему они участвуют в производстве перемен? Согласно теории действующего субъекта существует три уровня субъективности. Дискурсивное сознание – уровень рационального мышления и экзистенциальных смыслов. На втором уровне, уровне практического сознания, имеет место смутное осознание рутинных форм поведения. И в качестве третьего уровня Гидденс предлагает уровень бессознательной субъективности. Согласно Гидденсу, с самого раннего детства акторы испытывают изначальную неосознанную потребность в ощущении понятности и практической управляемости устойчивых свойств социального мира. Это сложное чувство, которое Гидденс определяет как чувство онтологической безопасности, обеспечивается через участие в воспроизводстве рутинных практик. «Понятие рутинизации, закрепленное на уровне практического сознания, представляется нам существенным с точки зрения теории структуризации, – пишет Гидденс. – Рутинизация обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества, которые являются таковыми лишь при условии своего непрерывного воспроизводства. Исследование рутинизации дает нам главный ключ к объяснению типовых форм взаимоотношений, существующих между базисом безопасности, с одной стороны, и релексивно создаваемыми процессами, свойственными эпизодическому характеру социальных взаимодействий, с другой» [13. С. 127]. Согласно Гидденсу, склонность к рациональному «живому» мышлению и экзистенциальной релексии

не является неотъемлемым свойством актора в любой момент времени. Он считает, что дискурсивное мышление мобилизуется только в критические моменты ломки рутины, одни из которых предсказуемы, другие же возникают внезапно. В любом случае прерывание рутины ведет к мобилизации усилий акторов и сосредоточению их мыслей на поиске выхода из проблемной ситуации, который уменьшил бы их тревогу и который, в конечном итоге, ведет к социальным переменам. Для Гидденса именно неосознанная потребность в рутине, обусловленная, в свою очередь, потребностью ощущения онтологической безопасности, является силой, толкающей акторов к переменам. Гидденс отмечает, что серьезный вклад в исследование отношений, существующих между дискурсивным и практическим сознанием в условиях социального взаимодействия, внесли труды Гофмана. Вместе с тем Гофман практически не говорит о бессознательном и, возможно, даже отрицает саму идею, согласно которой последнее играет в социальной жизни хоть скольконибудь значимую роль. Более того, анализ взаимодействий, проведенных Гофманом, предполагает, как считает Гидденс, скорее мотивированных субъектов деятельности, нежели исследование источников человеческой мотивации, как утверждают многие из его критиков. Но такой подход не позволяет понять, почему субъекты деятельности придерживаются в повседневной жизни рутинных практик?

Общепризнано, что теория Пьера Бурдьё возникла из желания преодолеть противопоставление объективизма и субъективизма. К представителям объективизма Бурдьё относит исследователя социальных фактов Э. Дюркгейма, структурализм Ф. де Соссюра, Леви-Стросса и структурный марксизм. Подвергает их критике за то, что в качестве основного предмета исследования ими берутся исключительно объективные структуры и игнорируется вопрос о процессе социального конструирования, посредством которого эти структуры создаются, мыслятся и воспринимаются. К субъективистской традиции он относит экзистенциализм Сартра, феноменологию Шюца, символический интеракционизм Блюмера и этнометодологию Гарфинкеля, которые в своих теориях изучают, как субъекты объясняют и представляют социальный мир. Недостатком данного направления он считает игнорирование объективных социальных структур. Чтобы избежать дилеммы объективизм/субъективизм, он концентрируется на понятии «практика», которое отражает диалектическую взаимосвязь действия и структуры. В лекции, прочитанной в Университете Сан-Диего в марте 1986 г., Бурдьё характеризует свою работу как конструктивистский структурализм или структуралистский конструктивизм. Под структурализмом он понимает признание того, что в самом социальном мире, а не только в символическом, языке, мифах и т.п., существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. Конструктивизм, в свою очередь, указывает на то, «что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления, действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой, — социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами» [14. С. 181].

Теория практики П. Бурдьё опирается на тезис о том, что объекты знания не пассивно отражаются, а конструируются, но непроизвольно, так как принципом такого конструирования является система структурирующих предрасположенностей, или *habitus*. При этом необходимо избегать реализма подобных структур, к которым стремится объективизм, рассматривая их вне индивидуальной и групповой истории, а также не впасть в субъективизм, который не способен объяснить закономерности социальной жизни. Условием построения теории практики является обращение к самой практике. Основным принципом, порождающим и организующим практики, является *habitus*, который, с одной стороны, являясь структурированной системой, носит характер пассивного, заданного и предопределенного, с другой, – будучи структурирующей предрасположенностью, предполагает активную способность вносить изменения в существующие объективно социальные условия [15. С. 100–101]. Концепция *habitus* направлена на преодоление антиномий свободы и детерминизма, создания непредсказуемого нового и механического воспроизводства первоначальных условий, сознательного и бессознательно-го, индивида и общества. Будучи продуктом определенного типа регулярностей, *habitus* порождает такие формы поведения, которые возможны в пределах такой регулярности и могут быть положительно санкционированы в определенном поле деятельности, будущее которого они предвосхищают. Практики и *habitus* невозможно дедуктивно вывести ни из условий прошлого, ни из условий настоящего. Их можно объяснить только соотношением условий, в которых они порождаются и затем реализуются. Формирующийся в ходе индивидуальной истории *habitus* обуславливает свою особую логику вписывания в структуру, объективированную в институтах, делая тем самым возможной преемственность институтов, что позволяет ему достичь полной реализации. Гомогенность *habitus* в пределах определенного класса условий социальной среды обеспечивает предсказуемость и понятность практики и действий, которые выступают как само собой разумеющиеся, без эксплицитного согласования. *Habitus* как имманентный закон позволяет практикам быть объективно гармоничными без сознательного соотношения с нормами или явной координации. Сознательно вносимые поправки и регулирования предполагают владение общим кодом и не могут быть успешными без минимального совпадения *habitus*ов их агентов [15. С. 114]. Самой парадоксальной характеристикой *habitus* является отбор информации, необходимой для того, чтобы уклониться от информации, благодаря тенденции к постоянству, защищающему от изменений отбором новой информации. «Схемы восприятия и оценки *habitus*а, которые приводят к стратегии уклонения, в значительной степени работают несознательно и ненамеренно. Уклонение происходит либо автоматически, как результат условий существования, либо как стратегическое намерение» [15. С. 120].

Бурдьё предлагает отказаться как от идеи универсального субъекта, так и от трансцендентального Эго феноменологии и признать, что для каждого агента видение пространства зависит от его позиции в этом пространстве. Агенты обладают активным восприятием мира и конструируют собственное видение мира, которое, в свою очередь, осуществляется под структурным давлением. Диспозиции агентов, их *габитусы*, т.е. ментальные структуры,

через которые агенты воспринимают социальный мир, являются в основном продуктами интериоризации структур социального мира. Причем освоенный мир имеет тенденцию быть воспринимаемым как нечто должное, существующее само по себе. Исследование инвариантных форм восприятия или конструирования социальной реальности обнаруживает следующее: во-первых, это конструирование не происходит в социальном вакууме, но подвергается структурному давлению; во-вторых, структурирующие когнитивные структуры имеют социальный генезис; в-третьих, конструирование социальной реальности носит как индивидуальный, так и коллективный характер. Представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, взятого как система схем восприятия, оценивания, как когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик [14. С. 192–193].

В работе «Начало» Бурдьё проводит аналогию между социальным и географическим пространствами, внутри которых выделяют области. Социальное пространство сконструировано таким образом, что агенты, группы или институты, размещены в нем, имеют тем больше общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем меньше, чем более они удалены друг от друга. Он ставит задачу показать различие между структурой (объективными связями) и взаимодействием. Структуры «суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые являются или могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место – социальный универсум» [14. С. 186]. Согласно эмпирическим исследованиям основными видами такой социальной власти являются различные формы экономического капитала, а также культурный и символический капиталы. Последний является формой, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. Таким образом, в первом измерении агенты распределены в общем социальном пространстве по общему объему капитала в различных его видах, которыми они располагают, во втором измерении – по структуре их капитала, или, другими словами, по относительному весу различных видов капитала в общем объеме имеющегося у них капитала. Агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находясь в сходных условиях и подчиняясь сходным обусловленностям, имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, производить сходные практики. Диспозиции, приобретенные в занимаемой позиции, предполагают приспособление к этой позиции, которое Гофман в свое время назвал «чувством своего места», которое может быть совершенно бессознательным и «вписано» в тело. Это «чувство места» и переживаемое сходство габитуса являются началом всех форм устойчивых связей.

В социальном поле как целом, в соответствии с теорией П. Бурдьё, существует ряд полуавтономных полей – искусства, науки, политики, религии и др., каждое из которых обладает своей особой логикой, формирующей представление субъектов о том, что в данном поле имеет значение. Поле подобно

конкурентному рынку, где используются различные виды капитала (экономический, культурный, социальный, символический). Так как в социальном мире наибольшее значение имеет поле власти, для анализа кого-либо поля необходимо сначала проследить его отношения с полем политическим. Затем выявить объективную структуру отношений между позициями в рамках этого поля. И лишь затем определить характер габитуса агентов, которые занимают разные позиции.

Поле науки, согласно Бурдьё, «является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на *научный авторитет*, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на *научную компетенцию*, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полнолично и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [16. С. 16]. Университетское поле, в свою очередь, есть место борьбы за определение условий и критериев легитимного членства в академической иерархии. Бурдьё полагает, что структура высшего образования воспроизводит в специфической логике структуру поля власти, доступ к которому она обеспечивает. Это означает, что интеллектуалы, вопреки их мнению о себе, представляют собой часть сферы власти и, будучи подвластными, одновременно являются составной частью властвующих. При этом их власть состоит во владении культурно-информационным капиталом и осуществляется посредством речи.

В работе «*Homo Academicus*» Бурдьё ставит задачу применить свой теоретический арсенал к анализу французского академического мира. Рассматривая взаимосвязь между объективным положением различных академических сфер, их соответствующим габитусом и борьбой между собой, Бурдьё делает вывод о том, что французский академический мир распределен между наиболее влиятельными полями закона и медицины и подчиненными полями науки [17. С. 38]. Это означает, что тот, кто обладает социальной компетентностью, занимает господствующее положение, а обладающий компетентностью научной находится в социально подчиненном положении. Но, так как академический мир одновременно представляет собой как социальную, так и культурную иерархию, в последнем отношении иерархия академических дисциплин имеет противоположный характер. Наука находится на вершине, а закон и медицина занимают более низкое положение. Отсюда следует, что в университетской системе имеет место оппозиция экономико-политического и культурного поля. В рамках факультета гуманитарных и естественных наук борьба за власть ведется между двумя видами академических ученых, теми, кто приобретают свой капитал благодаря контролю над образовательным процессом и роли в формировании следующего поколения академических ученых, и теми, кто, имея интеллектуальную известность в определенной области, обладает властью научной.

В комментирующей литературе можно найти как попытки интерпретировать концепцию габитуса в терминах позднего Витгенштейна, так и критику данного концепта, трактующего социальных акторов как пассивных марионеток, детерминированных посредством габитуса тем или иным социальным полем. Так, Ж. Бувресс отмечает, что общей точкой соприкосновения между

Бурдье и Витгенштейном является осознание ими двойственности понятия «правило», признание его разных смыслов [18]. Различая правило как объяснительную гипотезу, сформулированную для понимания того, что наблюдается, и правило как принцип, в действительности регулирующий практику агентов, Бурдье осознает их неизбежное смешение и поэтому обращается к понятиям стратегии, габитуса и диспозиций, а не к термину «правило». Бувресс полагает, что склонность социальных наук делать различие между действиями, чей принцип заключен в агенте, и теми, принцип которых лежит вне его и может осуществляться как при участии агента, так и против его воли, составляет трудность для адекватного понимания концепции габитуса. Философскую основу данной трудности, Бувресс усматривает в проблеме свободы и связанной с ней идее скрытых принуждений. Этим объясняется, по его мнению, тот факт, почему теории, которые обращаются к социальным механизмам и детерминации действий, воспринимаются как отрицание той реальности, которую принято называть свободой личности (в случае научной практики – свободой научного поиска). Бурдье же обращается к понятию габитуса, чтобы найти срединный путь между объективизмом, в котором он упрекает структуралистов, мыслящих социальный мир как пространство объективных отношений, и субъективизмом. Понятия «габитус», «практическое чувство», «стратегии» обусловлены стремлением, не впадая в субъективизм, освободиться от структуралистского объективизма. Обращаясь к своим комментаторам, Бурдье сожалеет, что к его анализу применяют те самые альтернативы, которые понятие габитуса стремится преодолеть. Понятие габитуса позволяет понять, как субъект практики может быть детерминированным и в то же время действующим. Поскольку габитус не имеет исключительно ментальной природы (существуют телесные габитусы), он находится вне различия между сознанием и бессознательным, а также вне различия между каузальностью и свободой.

Профессор Университета Квебека в Монреале (Канада), специалист в области истории и социологии науки и высшего образования Ив Жангра полагает, что теория П. Бурдье помогает понять причины, позволяющие или препятствующие ученым и инженерам перейти из лаборатории во внешний мир. Для этого необходимо принять во внимание, что ученые подчиняются правилам дисциплинарной подготовки, во многом определяющей их интеллектуальный горизонт. Агенты, социализированные в определенной области, не всегда могут без труда перенести свои знания и способы в другое поле. Их габитус является продуктом траектории, развернутой внутри определенного поля, и адаптирован к его правилам игры. Составленное из нескольких относительно автономных полей, каждое из которых обладает своей собственной логикой, социальное пространство является неоднородным, и в силу этого агенты, желающие передвигаться вне своего исходного поля, вынуждены приспособливать свой дискурс и свои практики к имплицитным правилам поля, к которому они хотят получить доступ. В случае науки это означает, что ученые, которые должны обратиться к полю политики, дабы получить финансирование для реализации своих проектов, обязаны ссылаться на специфические аргументации, способные убедить политиков и чиновников, доказывая, «национальный интерес» первым, или «экономическую эффектив-

ность» вторым. Таким образом, проблема «перевода» действительно существует, но не в силу тотальной однородности социального пространства, а благодаря существованию относительно автономных полей, что и делает этот «перевод» необходимым. Существование различных субкультур, соответствующих разным полям и габитусам, предполагает наличие препятствий и условий для входа в то или иное поле. И. Жангра полагает, что «разнородный характер способностей, необходимых для циркуляции сразу в нескольких полях, позволяет, например, понять тот факт, что в эру «Большой науки» личности управленческого типа или обладающие талантом в области PR взяли вверх над фигурой «скромного» и «социально неадаптированного» ученого» [19, С. 90–91].

В целом все контексты употребления терминов «габитус» и «хабитуализация» в социологической традиции нам представляются взаимодополнительными и имеют тенденцию к концептуализации и конкретизации. Адекватная реконструкция научной деятельности предполагает обращение в терминологическому аппарату социальных наук, так как, являясь продуктом истории, динамика производства знания не может быть описана лишь в эпистемологических категориях. Понятие хабитуализации и габитуса позволяет противостоять тем радикальным выводам, которые стали следствием макро- и микроанализа научной практики. А именно, такого описания субъектов научного познания, как если бы они, с одной стороны, обладали полной свободой действия, произвольно отвергая любые возражения и предлагая любую аргументацию, а с другой – были бы жестко детерминированы социальными структурами. В действительности, недостаточно настаивать на случайном характере научной практики, необходимо показать и объяснить, что свобода ученых и инженеров в определенных обстоятельствах относительно ограничена и обусловлена исторически сложившимися схемами восприятия, оценивания и действия. Обращение к повседневным практикам в социальных науках способствует критическому отношению к позиции исследователя, требуя от него рассмотрения предмета изучения не как абстрактной схемы, структуры или категории, а с учетом конкретного пространства, времени и целей. Это приводит, с одной стороны, к объяснениям в форме детального этнографического описания, а с другой – к обращению к типичным, повседневным, рутинным действиям, составляющим основную часть социальной жизни.

Литература

1. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социс. 2009. № 9.
2. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6.
3. Социологический энциклопедический англо-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=xn_sociology&page=showid&id=6616 (дата обращения: 20.12.2010).
4. Гофман А.Б. Социологические концепции Марселя Моссэ // Концепции зарубежной этнологии. М.: Наука, 1976.
5. Мосс М. Техники тела // Человек. 1993, №2.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психологические исследования. М.: СПб., 2001.

8. Элиас Н. Общество индивидов / Пер. с нем. М.: Практикс, 2001. 336 с.
9. Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Die Wissensformen und die Gesellschaft. Bern, Francke, 1960.
10. Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
12. Cohen I. Theories of action and praxis // The Blackwell Companion to Social Theory / Ed. by Brian S. Turner. Oxford (UK) and Cambridge (MA): 1996. P. 124–156.
13. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
14. Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. /Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Пер. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
15. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
16. Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. Институт социологии Российской академии наук. М.: Практикс; Институт экспериментальной социологии, 2005. 304 с.
17. Bourdieu P. Homo Academicus. Polity Press. Cambridge, 1988. 344 p.
18. Бувресс Ж. Правила, диспозиции и габитус // Sociologos. 2009. № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sociologos.net/textes/bouveresse.htm> (дата обращения: 25.12.2010).
19. Жангра И. Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, №5.